

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМОВ

Прежде чем объединяться,
нам надо решительно размежеваться.
*В.И. Ленин*¹

В.Л. Тамбовцев

ВВЕДЕНИЕ

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-33-39

Статья посвящена поиску и обоснованию ответа на вопрос, возможно ли объединение оригинальной и новой институциональных экономических теорий. Для этого, во-первых, сравниваются методологический холизм с методологическим индивидуализмом, которые разделяют упомянутые направления экономического институционализма. Делается вывод о том, что эти методологические принципы логически несовместимы в своих онтологических основаниях, однако близки в типах объяснений анализируемых процессов и явлений. Во-вторых, сопоставляются определения института, которые, как правило, используются в этих направлениях. Из их сопоставления делается вывод, что понимание института в новой институциональной экономической теории более продуктивно, чем то, которому следуют сторонники оригинального экономического институционализма. В заключительной части статьи сделан вывод о том, что сближение двух институционализмов возможно через развертывание дискуссии по результатам эмпирических исследований, которые могут показать участникам преимущества и недостатки использованных научных методов. Проведение методологических дискуссий оценивается как непродуктивное.

Ключевые слова: методологический холизм, методологический индивидуализм, институт, привычка, механизм принуждения к исполнению.

Классификация JEL: B40, B52.

Как известно, в экономической науке сегодня существуют два направления исследований, изучающие институты и их влияние на экономику: оригинальная институциональная экономическая теория (ОИЭТ), существующая уже более века, и новая институциональная экономическая теория (НИЭТ), возникшая более полувека назад. Внутри каждого из этих направлений возникают варианты, либо расширяющие области приложения базовых теорий, либо развивающие методы осуществляемых исследований. Представители ОИЭТ уделяют большое внимание критике НИЭТ, основываясь на философско-методологической точке зрения и доказывая ошибочность той методологии, которой следуют сторонники НИЭТ.

Одновременно с критикой последователи ОИЭТ в последнюю четверть века не раз выдвигали те или иные платформы для объединения названных вариантов экономических институционализмов. Так, еще в 1997 г. П. Хирш и М. Лонсбури выдвинули призыв «закончить семейную ссору» между ОИЭТ и НИЭТ (Hirsch, Lounsbury, 1997), полагая тем самым, что эти направления близки. Десятилетие спустя Дж. Ходжсон выдвинул фактически программу объединения, без которого, с его точки зрения, трудно превратить эволюционную и институциональную теории в мейнстрим экономической науки (Hodgson,

© Тамбовцев В.Л., 2021 г.

Тамбовцев Виталий Леонидович, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; vitalyambovtsev@gmail.com

¹ Более точно: «Прежде, чем объединяться, и для того чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» (из Заявления редакции «Искры» (1900). См.: Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 4. С. 358. (см. также: <http://leninvi.com/t06/p022>)).

2007). В рамках этой программы НИЭТ должна будет претерпеть серьезные изменения, ей необходимо будет признать укорененность экономики в социальный, культурный и политический мир и начать воспринимать институты, т.е. системы правил, как некоторые социальные структуры, а действия индивидов – как поведение, следующее этим системам правил, т.е. опирающееся на сложившиеся привычки. Еще десятилетие спустя Ходжсон трактует область изучения институтов в ОИЭТ и НИЭТ как некоторое единое целое, – как если бы его программа уже реализовалась (Hodgson, 2019).

В последние годы важность сотрудничества подчеркивается во многих сферах общественной жизни (см., например: (Полтерович, 2016)), поэтому очевидный отказ НИЭТ от предлагаемого объединения (и даже от обсуждения таких предложений) заслуживает специального анализа. В следующем разделе статьи мы обсудим различия между принципами методологического холизма (МХ) и методологического индивидуализма (МИ), лежащих в основе соответственно ОИЭТ и НИЭТ, далее – присущие этим направлениям различия в понимании институтов, а в завершающей части – альтернативные меры по возможному сближению ОИЭТ и НИЭТ.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ХОЛИЗМОМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ИНДИВИДУАЛИЗМОМ

Принципы МХ и МИ не относятся к общенаучным методологическим предпосылкам: воспроизводимости результатов экспериментов, проверяемости гипотез опытом или практикой и т.п. Они касаются лишь таких наук об обществе, изучающих действия и поведение людей, как социология, экономическая и организационная, а также политические науки. Корни этих принципов можно

найти еще в античности, однако мы будем опираться на более близкий к нам период конца XIX – начала XX в.

С точки зрения Э. Дюркгейма, отстаивавшего концепцию МХ в социологии, группы людей, неизбежно возникающие в ходе жизни, существуют не просто как наблюдаемые последствия взаимодействий индивидов. Группы также мыслят, чувствуют и действуют, и притом отличным от входящих в них индивидов образом: «Разумы людей, формируя группы путем смешения и слияния (by mingling and fusing), рождают существо, если хотите, психологическое, но конституирующее физическую индивидуальность нового рода (new sort). В природе этой коллективной индивидуальности, а не в ассоциированных с ней единицах, мы должны искать прямые и определяющие причины наблюдаемых в ней фактов. Группа мыслит, чувствует и действует совсем не так, как поступали бы ее члены вне нее. Если мы начинаем с индивидов, мы ничего не сможем понять из того, что имеет место в группе» (Durkheim, 1938, pp. 103–104) (цит. по: (Gordon 2003, p. 653)).

Приведенные положения, в которых легко просматривается стремление обосновать самостоятельность социологии как науки, имеющей не только свой предмет, но и свои собственные объекты исследования, – действующие независимо от людей группы, – на деле сближали эти группы с олимпийскими богами античного холизма, отличая их от «предшественников» только силой влияния, имеющей естественный (психологический), а не сверхъестественный характер.

Термин «methodological individualism» был, как известно, введен Й. Шумпетером (Schumpeter, 1909). Однако его теоретическая разработка принадлежит М. Веберу (Weber, 1968), что подчеркивает, используя этот термин, и сам Шумпетер. Как писал Вебер, анализируя *социальное*, мы часто говорим о «таких социальных общностях, как государства, ассоциации, корпорации и фонды, как если бы они были индивидуальными личностями», утверждая, что они формируют планы, осуществ-

влияют действия, несут издержки и т.п. С точки зрения МИ все такие выражения – не более чем метафоры, и «в социологических исследованиях все такого рода общности должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» (Weber, 1968, p. 13). В его понимании «для социологических целей нет такой вещи, как коллективная персональность, которая “действует”. Когда в социологическом контексте даются ссылки на государство, нацию, корпорацию, семью или военную часть, или схожие коллективы, это означает... только определенный тип развития реальных или возможных социальных действий индивидуальных личностей» (Op. cit, p. 14).

Л. Уден, известный своим масштабным анализом динамики представлений о МИ (Udehn, 2001), позже характеризовал эти положения как «онтологический трюизм» (Udehn, 2002, p. 489). Однако если учитывать контекст, в котором они прозвучали, банальность в значительной степени исчезает. Ведь контекстом социальных наук того времени (особенно в Германии) были отмеченные выше *противоположные* положение об автономном от людей существовании государства – наличии у него собственных целей, стремлении расширить свое «жизненное пространство» и т.п. Поэтому приведенные утверждения Вебера, по существу, определяют онтологическую основу МИ.

Подчеркнем, что МИ *не предопределяет*, как объяснять наблюдаемые социально-экономические явления и процессы: из того, что действующим субъектом является только индивид, никак не следует, что он руководствует только эгоистическим интересом, а не интересом других людей, с которыми он взаимодействует и намеревается взаимодействовать далее. Принимая решение совершить некоторое действие, человек в зависимости от ситуации и целей действия учитывает самые разные обстоятельства, от состояния погоды до наличия институтов, отношений в семье и т.п., хотя, безусловно, в силу сво-

ей ограниченной рациональности может чего-то и не учесть. Однако считать, что МИ *предполагает* учет индивидами только своих эгоистических интересов, – значит, не знать содержания МИ. Именно такое незнание проявили, например, авторы следующих утверждений. Читаем: «В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует огромная литература, неопровержимо доказывающая, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью» (Кузьминов, Юдкевич, 2002, с. 21).

Отсутствие логической связи между МИ и формами объяснения социально-экономических феноменов важно, поскольку именно в область объяснений переместилось содержание МХ. Уже в середине 1950-х гг. тезис о том, что социальные системы могут существовать независимо от составляющих их частей (индивидов), был назван *абсурдным* (Goldstein, 1956, p. 802), однако противостояние МХ и МИ было продолжено, причем в основном сторонниками ОИЭТ. Особенности этого противостояния стали *приписывание* МИ черт, которых у него нет, и основывающаяся на этой фантазии «победа» над их абсурдностью. Вот вполне типичный пример: «...в рамках индивидуалистической методологии не удастся преодолеть трудности, связанные с необходимостью интеграции культурных и институциональных аспектов в разные модели и концепции» (Бирюков, 2018, с. 92). Это означает, что автор либо не знаком с такими работами как, например, (Tabellini, 2010), либо считает, что Г. Табеллини – сторонник МХ (что, конечно, не так), – и это ясно подтверждает содержание его упомянутой статьи².

² Подробный анализ характера критики НИЭТ со стороны ОИЭТ содержится в (Тамбовцев, 2021), а динамика соотношения МХ и МИ, включая попытки найти некоторые формы их интеграции, представлен в (Тамбовцев, 2020).

Таким образом, если МИ за прошедший век остался в своей основе неизменным, то МХ изменился ощутимо, отказавшись от своей базовой онтологической предпосылки и перейдя в состояние некорректной «борьбы» с МИ. Объясняя различные явления влиянием социальных факторов, МХ утверждает, что МИ делать так не позволяет, что, как было показано, неверно. Другими словами, некоторое сближение ОИЭТ и НИЭТ действительно произошло, но совсем не так, как предполагала программа Ходжсона.

ВСЯКАЯ ЛИ СИСТЕМА ПРАВИЛ ЯВЛЯЕТСЯ ИНСТИТУТОМ?

Проведенный анализ дает все основания рассмотреть тот момент, который является вторым препятствием объединения ОИЭТ и НИЭТ, – различия в понимании и определении институтов. Несмотря на весьма широкое разнообразие определений института в социальных науках (см., например (Gräbner, Ghorbani, 2019)), в рамках ОИЭТ и НИЭТ в настоящее время можно считать, что наиболее распространенными являются те, что были даны в (Hodgson, 2006; North, 1990) соответственно.

Дж. Ходжсон определяет институты как «системы установленных и общепринятых (prevalent) социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» (Hodgson, 2006, p. 2). Соответственно, правило – это «социально переданная и привычная (customary) нормативная инструкция (injunction) или внутренне (immanently) нормативная предрасположенность (disposition), чтобы в ситуации *X* совершать *Y*» (Op. cit., p. 3).

Определение Ходжсона обладает значимым недостатком, существенно затрудняющим исследования институтов и мешающим выявлять обобщенные закономерности их функционирования и изменений. Этими недостатками являются, во-первых, его чрезмер-

ная общность, делающая значение термина *институт* необозримым множеством крайне далеких друг от друга объектов, а во-вторых, чрезмерная узость, не включающая в его значение пласт экономических и иных феноменов, также являющихся нормативными правилами.

Чрезмерная общность заключается в том, что, по его собственным словам, «язык, деньги, право, системы мер и весов, застольные манеры и фирмы (и другие организации) все, следовательно, являются институтами» (Op. cit., p. 2). Чрезмерная узость заключается в том, что «нормативные инструкции», которые не являются ни «опривыченными», ни внутренне нормативными предрасположенностями, не могут считаться институтами. Между тем таковыми являются многие регуляции, формирующие институциональную среду экономики, – те, которые, по мнению их адресатов, приносят бизнесу только издержки.

Разумеется, определения не бывают правильными или неправильными³, однако в любой науке они вполне могут оценивать как продуктивные или непродуктивные, т.е. способствующие решению исследовательских задач или препятствующие им. Одна из задач, которую решают все продуктивные *научные* определения, состоит в разграничении *похожих*, но *разных* объектов, т.е. в построение категорий, более строгих и точных чем те, которые любой человеческий мозг формирует автоматически благодаря «встроенным» в него нейронным механизмам. Эти механизмы, в принципе, работали и работают достаточно хорошо, формируя, например, четко различимые категории для бегемотов и крокодилов и одновременно объединяя их в общую категорию животных или хищников. Однако категории млекопитающих и пресмыкающихся потребовали для своего введения уже некоторых исследований, поскольку простое наблюдение соответствующие различия выявить уже вряд ли могут. Поскольку упомя-

³ Такими они могут быть только на экзамене, где студент должен дать то определение, которому его учили.

нутые нейронные механизмы мозга действуют всегда и везде, соответствие научных категорий интуитивным также является полезным и важным свойством строгих определений. Появление несоответствий требует разъяснений и обоснований того, что интуитивные категории содержат ошибки восприятия, обуславливающие эти несоответствия. Именно так обстоит дело с включением организаций в состав институтов, т.е. по определению *правил*. Любой человек понимает различия между текстом на бумаге или мониторе компьютера и предприятием или магазином, где он работает. Если же наука начинает утверждать, что это одна и та же категория, человек вряд ли с этим согласится.

Тем самым определение институтов (по Ходжсону) можно оценить как *непродуктивное*, ставящее необоснованные ограничения на исследователей в процессах изучения ими институтов.

Иначе определяет институты Д. Норт. Характеризуя его понимание, чаще всего ссылаются фактически *не на определение*, а на *образную характеристику* институтов как «правил игры в обществе»⁴ (North, 1990, p. 3), хотя в других статьях Норт дает существенно более четкие *определения* института: «множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений (...) и наконец, множество (...) норм, которые ограничивают способы, которыми правила и регуляции специфицируются и принуждаются к исполнению» (North, 1984, p. 8); «это созданные людьми ограничения, которые структурируют человеческие взаимодействия. Они состоят из формальных ограничений (например, правил, законов, конституций), неформальных ограничений (например, норм поведения, конвенций, самовозложенных на себя кодексов поведения) и их механизмов принуждения (enforcement

characteristics)» (North, 1994, p. 360). Появление здесь и в других кратких определениях смущающего некоторых читателей понятия *ограничения* легко объясняется тем, что ограничения – второй неотъемлемый компонент «типовой» задачи экономического выбора, или максимизации полезности, наряду с первым – целевой функцией. Иными словами, характеризуя институты как ограничения, Норт уравнивает их в процессах принятия решений с обычными для экономической теории ограничениями ресурсов.

Такие определения не вступают в противоречие со здравым смыслом, выводя за рамки институтов то, у чего нет механизмов принуждения к исполнению, – прежде всего *привычек* индивидов. Безусловно, они также влияют на поведение. Но отличие привычки пить утром кофе, а не чай от институтов поведения за столом вполне понятно: если я передумаю и выпью чаю, меня никто не осудит, а если за общим столом начну не резать стейк ножом, а откусывать куски зубами, то, скорее всего, окажусь объектом осуждения.

Исходя из нортского определения, мы дали следующее и более краткое: «Институт – это правило или совокупность правил, имеющие внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» (Аузан, 2011, с. 32). Это определение дает возможность строго разграничить формальные и неформальные институты: в составе первых механизм принуждения *специализированный*, т.е. индивиды, осуществляющие контроль над следованием правилу и назначающие санкции за нарушения, получают оплату за свою деятельность, а в составе вторых – *неспециализированный*, т.е. принуждение осуществляют все, кто считает, что соответствующее правило нужно выполнять, не получая за это никакой платы.

Мы можем, таким образом, оценить определение Д. Норты как продуктивное: оно ни коим образом не ограничивает исследователей в изучении институтов, подчеркивая при этом особенности их структуры, включающей как правила, так и механизм принуждения к их исполнению.

⁴ Образность этого выражения прямо следует из того, что далее Норт, настаивая на разграничении институтов и организаций, сравнивает институты с правилами игры в футбол, а организации – с игроками.

* * *

Проведенное сопоставление двух важных (и далеко не единственных) различий между ОИЭТ и НИЭТ ясно показывает, что их соединение или объявление о том, что они уже едины, в настоящий момент невозможны. Можно ли изменить эту ситуацию? Представляется, что да, но для этого необходимо совместное обсуждение получаемых эмпирических результатов для выработки понимания участниками того, какое из направлений институционального анализа позволяет получать более интересные, важные и обоснованные научные знания. Такие обсуждения ни в коем случае не должны иметь философски-методологический характер: дискуссия должна вестись на языке экономики, а не философии. Только в этом случае она сможет убедительно показать, какой из подходов более продуктивный при решении проблем развития экономики.

Список литературы / References

- Аузан А.А. (ред.) (2011). Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. 2-е изд. М.: ИНФРА-М. [Auzan A.A. (ed.) (2011). Institutional economics: New institutional economics. 2nd ed. Moscow: INFRA-M (in Russian).]
- Бирюков В. (2018). Культурологическая парадигма видения экономической деятельности // Общество и экономика. № 9. С. 91–101. [Biryukov V. (2018). Culturological paradigm of the perception of economic reality. *Society and Economy*, no. 9, pp. 91–101 (in Russian).]
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2002). Институциональная экономика: Курс лекций. М.: МФТИ. [Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. (2002). Institutional economics: Lectures Course. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology State University (MIPT) (in Russian).] URL: <https://mipt.ru/dbmp/upload/3f2/NIElectarphlf43tys.pdf>
- Полтерович В.М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. № 11. С. 5–23. [Polterovich V. (2016). Positive collaboration: Factors and mechanisms of evolution. *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 5–23 (in Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2021). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // Вопросы экономики. № 1. С. 33–51. [Tambovtsev V.L. (2021). Is Unified Institutional Economics Possible? *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 33–51 (in Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2020). Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 7–31. [Tambovtsev V.L. (2020). Unproductivity of the methodological fusion's attempts. *Theoretical Economics*, no. 3, pp. 7–31 (in Russian).]
- Durkheim E. (1938). The rules of sociological method. 8th ed. Chicago: University of Chicago Press.
- Goldstein L.J. (1956). The inadequacy of the principle of methodological individualism. *Journal of Philosophy*, vol. 53, no. 25, pp. 801–813.
- Gordon S. (2003). The history and philosophy of social science. London, New York: Routledge.
- Gräbner C., Ghorbani A. (2019). Defining institutions – A review and a synthesis. Johannes Kepler University. ICAE Working Paper Series, 89, February 2019.
- Hirsch P.M., Lounsbury M. (1997). Ending the family quarrel: Toward a reconciliation of “old” and “new” institutionalisms. *American Behavioral Scientist*, vol. 40, no. 4, pp. 406–418.
- Hodgson G.M. (2006). What are institutions? *Journal of Economic Issues*, vol. 40, no. 1, pp. 1–25.
- Hodgson G.M. (2019). Prospects for institutional research. *RAUSP Management Journal*, vol. 54, no. 1, pp. 112–120.
- Hodgson, G.M. (2007). Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? *Evolutionary and Institutional Economics Review*, vol. 4, no. 1, pp. 7–25.
- North D.C. (1984). Transaction costs, institutions, and economic history. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 140, no. 1, pp. 7–17.
- North D.C. (1990). Institutions, institutional change, and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press.

- North D.C. (1994). Economic performance through time. *American Economic Review*, vol. 84, no. 3, pp. 359–368.
- Schumpeter J. (1909). On the concept of social value. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 213–232.
- Tabellini G. (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, vol. 8, no. 4, pp. 677–716.
- Udehn L. (2001). *Methodological individualism: Background, history and meaning*. London, New York: Routledge.
- Udehn L. (2002). The changing face of methodological individualism. *Annual Review of Sociology*, no. 28, pp. 479–507.
- Weber M. (1968 [1921]). Basic sociological terms. Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, pp. 3–62.

the definitions of the institution are compared, which are usually used in these areas. From their comparison, it is concluded that the understanding of the institution in the new institutional economics is more productive than that followed by the supporters of the original institutional economics. In the final part of the article, it is concluded that the convergence of the two institutionalisms is possible through the deployment of a discussion based on the results of empirical research, which can show the participants the advantages and disadvantages of the scientific methods used. Methodological discussions are considered unproductive.

Keywords: methodological holism, methodological individualism, institution, habit, enforcement mechanism.

Classification JEL: B40, B52.

Manuscript received 27.04.2021

Рукопись поступила в редакцию 27.04.2021 г.

POSSIBILITIES OF THE ECONOMIC INSTITUTIONALISM' INTEGRATION

V.L. Tambovtsev

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-33-39

Vitaly L. Tambovtsev, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vitalytambovtsev@gmail.com

The article is devoted to the search and substantiation of the answer to the question whether it is possible to combine the original and new institutional economics. For this, first, methodological holism and methodological individualism are compared, which share the aforementioned directions of economic institutionalism. It is concluded that these methodological principles are logically incompatible in their ontological foundations, but they are close in the types of the analyzed processes and phenomena explanations. Secondly,